

Несколько последних лет своей жизни Тимофей Макаров ходил в горы с ней, с Охой. Оха – замечательное существо, породу которого не смог бы определить самый опытный кинолог. В ней сошлись признаки болонки, йоркширского терьера и коккер-спаниеля. Однако болонка определённо преобладала: её выдавали кучерявая шерсть белого окраса и небольшой рост.

Тимофей подобрал щенка на улице во время проливного дождя. За неделю до этого он похоронил жену Галину, Галочку, как он её ласково называл. Они вместе ходили в горы. А тут как-то группа женщин-альпинисток решила покорить относительно невысокую кавказскую вершину Коштантау. Их предупреждали ветераны-восходители о коварстве этой горы. Говорили, что восхождение на неё чаще всего оказывается для смельчаков последним испытанием в жизни. Напоминали, что ещё сто двадцать лет назад там погибли опытейшие альпинисты – англичане Фокс и Донкин вместе с двумя их проводниками швейцарцами. Но женщины оказались упрямыми. И это им дорого стоило. Они погибли под лавиной. И не всех удалось найти, чтобы похоронить достойно.

Жена оставила Тимофею шестилетнего сына, который на тот трагический момент жил у бабушки, матери Тимофея, в другом, далёком го-

роде. Мальчик должен был осенью пойти в первый класс, и отец рассудил, что не стоит травмировать психику ребёнка, и попросил мать не приезжать на похороны.

Он никогда прежде не чувствовал себя одиноким. Школа, армия, заводской цех – всегда вокруг было много людей: друзья, жена, сын. Нельзя сказать, что он спиртного в рот не брал, но пьяниц презирал. И с некоторых пор каждый свой отпуск проводил в горах. Его ещё холостяком туда как-то взял с собой приятель-альпинист. Одного раза хватило Тимофею, чтобы душа его прочно приросла к горам. Он увлечённо и сноровисто постигал профессиональные премудрости покорителей горных вершин и удивительно быстро достиг в этом непростом и нелёгком деле похвальных результатов. Он словно был создан для гор.

Оглушающее одиночество обрушилось на него уже в первый вечер после похорон. Он впервые за много лет остался один в квартире. Подошёл к окну. За ним, окрашенные закатным солнцем, краснели облака. А у него стучало в висках и в горле что-то мешало. Тимофей бесцельно походил по комнате и направился на кухню. Из холодильника достал бутылку водки. Утром проснулся одетым и не мог вспомнить, как уснул.

Он неделю не появлялся на работе. С утра до вечера шатался по городу, не в силах сидеть в квартире. Заходил в кафе, брал пиво и потягивал его в одиночестве. Ближе к вечеру заказывал водки, потому что без неё не мог уснуть. И однажды, когда он, слегка шатаясь, шёл по улице к своему дому, вдруг над головой грянул гром и с неба обрушился такой поток, что Тимофей в одно мгновение вымок так, словно окунулся в омут. Мимо с визгом пробежали две девицы под одним зонтом. Он не побежал. Напротив, остановился и поднял к небу руки и лицо. Хорошо было под этим водопадом, он даже немного протрезвел. И вдруг заметил под ногами какой-то белый комочек. Свет уличного фонаря, пробиваясь сквозь густую пелену ливня, пятном поблёскивал на мокром тротуаре. Тимофей наклонился. У ног сидел малюсенький щенок и дрожал, как в лихорадке. Не скулил, а тихо стонал: «Ох... ох... ох...» Тимофей взял его и сунул за пазуху.

В квартире сел на табуретку в коридоре и вынул находку. С одежды струилась вода, но он ничего не замечал. Смотрел сочувственно на щенка, который в слипшейся мокрой шерсти казался голым и продолжал мелко трястись.

– Что, уже не охаешь? – спросил его Тимофей. – Щас, я тебя высушу.

Сдёрнул с вешалки свою рубаху, в которой ходил на работу, пропахшую машинным маслом и окалиной, завернул в неё щенка и стал промокать, осторожно прижимая к маленькому тельцу сухую ткань. Закончив процедуру, заглянул под хвост щенку.

– О, да ты сука, девочка! – протянул он. – Я от тебя, кроме «ох, ох», пока ничего не слышал. Будешь ты у меня Охой. Лады?

Сухого щенка перестало лихорадить. Тогда Тимофей понёс его в ванную. Отмытый от грязи и высушенный полотенцем, найдёныш явил свой первозданный белый окрас.

С этого вечера Тимофей перестал пить. Под его опекой теперь было существо, требующее заботы и ласки. Уходя на работу, он совал щенка за пазуху и в городском транспорте старался не прижиматься в тесноте ни к пассажирам, ни к бортам. Возле его станка, как водится, стояла тумбочка, где он держал резцы, свёрла и прочий мелкий инструмент. В самом низу тумбочки он положил пару брезентовых рукавиц-верхонок, образовав импровизированную конуру. Дверцу постоянно держал открытой. Оха, как все малые дети, большую часть времени проводила во сне.

Тимофей бдительно следил, чтобы горячая металллическая стружка из-под резца случайно не залетела в тумбочку.

В очередной отпуск он, конечно же, отправился в горы. Оха к тому времени подросла и не допускала ситуации, в которой она могла бы хоть на минуту остаться одна, без Тимофея. Вот такая оказалась привязчивая собачонка. Она бегала по квартире следом за ним, не отставая ни на шаг. Он на кухню – и она за ним, он в туалет – и она рядом. Если он залезал в ванну, она скребла коготками её стенку и тонко повизгивала, пока Тимофей не брал её в пенистую тёплую воду. Поэтому, когда он первый раз в новом сезоне, надев рюкзак, отправился вверх по тропе (просто так, для разминки), Оха помчалась за ним, но вскоре стала скулить и отставать. Она оказалась почти неспособной передвигаться со сколько-нибудь приемлемой скоростью по камням. Камешек с его кулак был для неё уже преградой. Тимофей остановился и несколько минут задумчиво смотрел на свою спутницу. Оставить в лагере было абсолютно нереально. Он посадил её поверх рюкзака.

С этой минуты во всех его восхождениях рюкзак стал её постоянным законным местом. Тимофей – человек сухощавый и рослый. Прижимаясь к спине своего друга-хозяина, она с достоинством обозревала окрестности с высоты своего положения. Тимофей время от времени спрашивал её:

– Как ты там, Оха?

Услышав своё имя, она непременно отзывалась коротким «тяв-тяв». Дескать, всё в порядке, я иду с тобой.

Как альпинист, Тимофей Макаров в результате многочисленных восхождений достиг таких профессиональных вершин, что стал командиром отряда новичков. У них, конечно, определённая программа, регулярные занятия, они со своими инструкторами и тренерами ходят на несложные восхождения, но всё под его, Тимофея, началом. Он в роли некоего координатора всего процесса. Быть командиром отряда – большая ответственность. Поэтому Тимофей по возможности старался всё проверить лично, чтобы быть уверенным в благополучном исходе даже и совершенно нерискованного восхождения, на которое отправлялись эти желторотые, но самоуверенные птенцы, мнящие себя альпинистами.

Однажды на Тянь-Шане Тимофеем по обыкновению решил предварительно исследовать маршрут, по которому предполагалось вскоре отправить немногочисленную группу начинающих. Накануне в горах прошёл обильный снегопад. Затем установилась тихая и солнечная погода. Покинув палатку, командир отряда постоял немного, всматриваясь в заснеженные вершины, отливающие ослепительной белизной. На пиках не мотался белыми языками на ветру снег, и в долины не стекал синеватый туман. Всё было спокойно, ничто не предвещало осложнений. Поэтому Тимофей пошёл налегке, не обременяя себя излишним снаряжением. Оха, по обыкновению, сидела на рюкзаке.

Ближе к полудню на юго-западном склоне Тимофей решил сделать привал.

Светило припекало. Он надел солнцезащитные очки и прилёг, навалившись спиной на рюкзак. Вблизи журчал, извиваясь меж крупных обломков скал, весёлый говорливый ручей. Тело разомлело, словно у камина, и он не заметил, как задремал. Его привёл в себя отдалённый гул, похожий на звук приближающегося поезда. Тимофею показалось, что он проспал не менее часа, хотя его дремотное состояние длилось всего несколько минут. Оха у его ног насторожилась и беспокойно завертелась на месте, потихоньку поскуливая.

Тимофей мгновенно сообразил, что за грохот разбудил его и почему беспокоится Оха. Он только не мог понять, откуда исходит этот нарастающий гул. А когда понял, было уже слишком поздно что-либо предпринимать. Их накрыла лавина. Даже не лавина, а так, лавинка. Но её мощи хватило, чтобы сбить Тимофея с места и протащить вниз по склону, колошматя о встречные камни. От удара головой он потерял сознание.

Очнулся в сумерках. Горные пики на востоке малиново светились. Он лежал на скальной полке. Где-то ниже него отдалённо шумел поток. Всё тело болело. Он пошевелил ногами, и от острой боли в правой снова чуть не потерял сознание. Рюкзака не было, как не было рядом Охи. Над ним высилась стена. Не очень высокая, но без снаряжения преодолеть её нечего было и думать. К тому же ноги... И он понял, что попал в ловушку, из которой никогда не выбраться. Пришла тоскливая мысль, что вот и обрёл он место своего последнего пристанища, побывав во многих горах, покорив немало вершин. Вот она, последняя точка, где суждено закончить земное

существование. Неожиданно и нелепо. Он никогда не думал, что завершит свой вот так.

Боль в ноге усиливалась и обострялась. Конечно, к утру в лагере поймут, что с ним не всё благополучно. Ведь он обещал вернуться сразу после полудня. Конечно, отправятся на поиски. Но он не оставил никаких следов, никаких заметок, указывающих место его пребывания. Если даже теоретически и остались бы какие-то следы, то лавина всё стёрла. Спасатели поймут, что здесь произошло, и молча снимут шапки...

Вдруг он услышал знакомое тихое повизгивание. Тоненький собачий скулёж. Который тут же сменился звенящей тишиной. Тимофей решил, что от боли у него начались слуховые галлюцинации. Но тихое повизгивание повторилось. Несомненно, это Оха! Жива, значит!

– Оха! – застонал Тимофей как только мог громко. – Оха, девочка моя! Я здесь, я живой!

Оха в ответ радостно завизжала, затявкала и тоскливо завывала. Тимофей представил, как она сейчас мечется по краю обрыва, прыгает и вертится волчком, не в силах помочь своему другу или хотя бы приблизиться к нему. «Она ведь, – возникла у Тимофея мысль, – не уйдёт от меня и помрёт вместе со мной. Надо хотя бы её спасти. Только послушается ли она?»

– Оха! Иди в лагерь, к людям иди. Ты меня слышишь, Оха? Я приказываю: иди в лагерь. В лагерь, Оха!

На каждый его возглас она отвечала громким лаем, словно хотела сказать, что она его слышит. Да, слышит, но понимает ли, что он от неё требует, спрашивал себя Тимофей.

– Домой, Оха, домой! – ещё раз крикнул Тимофей.

Она взвизгнула и больше не издала ни звука. Он остался с терзающей его болью, словно его бросили в терновник.

Оха добралась до лагеря под утро. Передними лапами заскребла по полотну палатки, скуля и тявкая. Здесь спали парни. Проснувшийся первым, растолкал остальных. Было ещё темно.

– Макаров вернулся, – сказал кто-то из них. И добавил: – Наконец-то.

– Подожди, – ответил ему другой, – а почему Оха к нам скребётся? Тут что-то не то. Ну-ка, дай посмотрю.

Едва открылся вход в палатку, как Оха бросилась к людям. Она кидалась в лицо каждому, скулила, и её скулёж больше походил на плач. Кто-то выглянул из палатки.

- Ребята, а Макарова-то не видеть.
- Да он уж, поди, спит в своём домике.
- Скажешь тоже, а чего Оха у нас на груди рыдает?

И тут до них дошло. Парни стали торопливо одеваться. Скоро весь лагерь был на ногах. Оха металась от одного к другому и всё порывалась бежать в ту сторону, куда вчера пошёл Макаров. Видя, что за ней никто не идёт, с тьявканьем возвращалась. Заснеженные вершины гор явственно проступили на фоне чистого неба и вскоре порозовели на западе. Светало. Шесть спасателей вызвались идти на выручку своего командира, сильно сомневаясь, что он жив.

Пока шли по тропе, Оха сидела на рюкзаке одного из парней. Но вот тропа кончилась, словно растворилась среди камней и чахлого кустарника. Куда идти дальше? Где искать командира?

– Может, Оха приведёт нас? – спросил один из ребят.

Остальные дружно рассмеялись. Никто не принимал Оху всерьёз, как собаку. Так, глупая болонка. И даже не болонка, а Бог знает что, пародия на собаку. Но, как говорится, на безрыбье и рак за карася сойдёт. Оху сняли с рюкзака и осторожно, словно боясь повредить хрупкую игрушку, поставили на землю.

– Ищи, Оха, ищи! Хозяина ищи.

Собачонка кинулась вправо, влево, обошла спасателей раз-другой и, тьявкнув, уверенно побежала, перепрыгивая через небольшие камни и огибая крупные обломки скал. Парни едва поспевали за ней.

Ближе к вечеру Тимофея Макарова доставили в лагерь, где на маленькой площадке, метров в двухста ниже лагеря, его уже ждал вертолёт. Когда поднимали носилки, чтобы просунуть их в дверной проём, Оха в отчаянном прыжке взлетела прямо на грудь хозяина.

– Это что такое! – закричал один из спасателей. – Уберите собаку!

– Не тронь её, – слабым голосом, но твёрдо произнёс Тимофей. – Она со мной...

Тимофей лишился ступни. Она была раздроблена так, что собрать, сложить косточки было не по силам, наверное, даже самому Господу. К тому же обе ноги оказались сильно обморожены. Однако вторую удалось спасти.

Как только Тимофей выписался из больницы, он собрал рюкзак, посадил на него Оху и отправился на костылях на вокзал. Он принял, пожалуй, единственно правильное решение –

уехать к матери и сыну, потому что обслуживать себя уже, как прежде, был не в состоянии.

Мальчишка, отвыкнув от отца, сначала дичился. Двенадцатилетнему пацану непонятен был этот угрюмый тощий мужик на костылях. И когда Тимофей пытался говорить с сыном, тот отвечал отрывисто и односложно и вообще старался уйти от разговора. Похоже, мальчишка не нуждался в отце. Сказывалось многолетнее отсутствие контакта. Если бы не Оха – она всё время находилась рядом – тяжело бы ему пришлось.

Матери он рассказал всё. Она слушала внимательно и раза два прослезилась.

– Тима, я же тебе говорила, зачем ты лезешь в эти горы, что ты там потерял и что ты там ищешь, а?

– Мама, ногу можно потерять и на городском тротуаре.

– Так-то оно так, но всё же тут спокойнее. И скорую можно вызвать.

– Эх, мама. Видела бы ты, какая там красотища! А ты – скорую...

– Ты смотри, Юрку не соблазни своими горами. Не пуцу. Один он у меня внучок.

– Да он со мной и разговаривать не хочет.

– Отвык от тебя, столько лет без отца. Не стыдно тебе?

Тимофей опустил голову, не зная, что ответить.

Пришлось долго ждать протез от социальных служб – не было средств, чтобы заказать за свой счёт. Потом требовалось время на освоение искусственной ступни. Надо было заново учиться ходить. Прошло два года.

Ледок в отношениях с сыном постепенно растаял, но некоторая отчуждённость всё же оставалась. Тимофей понял: это навсегда. Однако Юра всё с большим интересом слушал рассказы отца о горах, о восхождениях на вершины. Тимофей не скрывал от сына и трагические случаи, нередкие в альпинистской среде. Юра при этих рассказах напрягался, каменел и молчал. Такие разговоры с сыном Тимофей затевал только в отсутствие матери. Он не стремился пробудить в сыне интерес к горам, нет. Его, как зуд, беспокоила непреодолимая потребность делиться воспоминаниями о лучших днях своей жизни. Но друзей-альпинистов рядом не было.

Тем не менее Тимофей оставался в курсе событий альпинистского спорта. Перезванивался с друзьями. И сам не заметил, как в телефонных разговорах созрело решение снова пойти в горы. Приятели очень сомневались в его способ-

ности преодолевать сопротивление гор и горячо ему возражали. Но упрямство сидело в его генах. А самое главное – в его жизни ничего другого и не было: заводской цех и горы. Но цех – это необходимость, где-то же надо добывать средства к существованию, дающие возможность жить настоящей жизнью. К тому же на заводе терпеливо относились к его постоянным продолжительным летним отпускам. И это Макаров ценит. А настоящая жизнь, в его понимании, только там, в горах.

Когда он всё для себя решил, оставшись наедине с сыном, спросил:

– Ну что, Юрка, хочешь со мной в горы?

– А ты можешь? – вопросом на вопрос ответил сын.

– На восхождение не гожусь, а вот новичков обучать могу.

– Не знаю. Подумать надо.

– А чего тут думать? Запишу тебя в свою группу, и будешь тренироваться.

Юрка согласился. Бабушка, узнав о сговоре, запричитала:

– Я так и думала, совратишь малого. Ты сам сумасшедший и его с ума свёл. Ну, куда ты собрался на одной ноге? А ты, Юрка, чего ты его слушаешь, бродяжку этого? А если что с вами случится, что я буду делать! Как жить?

– Баб, ну чего ты разволновалась? – вступил в разговор Юрка. – Отец на гору не полезет, с одной-то ногой, а я просто так, с ним побуду. Посмотрю, что за горы, какие они.

– Мама, – обратился Тимофей, – ты видела, какие у него друзья во дворе? Подальше бы от таких друзей. А там у него настоящие будут.

Этот аргумент охладил пожилую женщину.

– И то правда, – сказала она, примиряясь, – не нравятся мне его друзья. Глаза бы не глядели.

– Ну вот. А там – ребята что надо. И дружбе цену знают.

Так Тимофей снова появился в альпинистском лагере на Кавказе. Здесь он начинал новичком, здесь познакомился с Галиной. Макарову предложили должность начальника спасательной службы.

В альплагере обнаружился старый знакомый Тимофея, преподаватель колледжа Дмитрий Лукьянов. На восхождениях они не раз бывали в одной связке. В первый же вечер по прибытии Тимофея они, как старые приятели, сидели у костра и вели неторопливый разговор. Вспомнили, перебрали в памяти общих знакомых: кто теперь где,

кем стал, кто в каких экспедициях участвовал. Назвали и тех, кто остался в горах навечно, и тех, кто ушёл в мир иной у себя дома. Обычный разговор восходителей на горные вершины. Когда звёзды, необыкновенно близкие в горах, бриллиантами рассыпались по небу, друзья вспомнили и о себе. Дмитрий посочувствовал приятелю по поводу потери жены, спросил об успехах сына, поинтересовался, кем мальчишка собирается стать. И Оху тоже не обошёл вниманием.

– Рассказывали мне про твою собачонку. Среди нашего брата про неё легенды ходят. Правда, что она спасла тебя?

– Спасли ребята, которых я тренировал. А привела их ко мне она, моя Оха.

– Вот она у тебя в ногах, присутствует как член группы. Неужели понимает, о чём мы толкуем?

– Конечно понимает. Она всё понимает, о чём люди говорят. Ей переводчика с человеческого языка на собачий не требуется. Я тебе, Дмитрий, больше скажу, ты только не посчитай меня за психа: я убеждён, что в неё переселилась душа моей Гали. Наша встреча после похорон была не случайна.

После этих слов Лукьянов долго и внимательно смотрел на собеседника, а потом поправил костёр. Молчал и Макаров.

– Что ж, ты, значит, веришь в переселение душ?

– Раньше не верил. А теперь... чёрт его знает. Ведь она меня от себя ни на шаг не отпускает. И понимает всё, что я ей говорю.

– Обычная собачья преданность.

– Может быть, может быть. Представляешь, она так обо мне заботится, прямо как человек.

– Что-то ты, Тимофей, не то в голову себе вбил. «Как человек», скажешь тоже.

– Думай, что хочешь. Только меня ни одна женщина так не любила, как Оха.

– Послушай, Тимофей, это же дикое сравнение.

– Не спорь, Лукьянов. Ты же её не знаешь. Пойдём лучше спать.

При последних словах Оха вскочила и, отбежав на метр, стала ждать Тимофея, часто виляя хвостом.

Юра, свойственно своему возрасту, скоро приобрёл друзей в группе новичков, много времени проводил на занятиях, больше из любопытства, нежели из желания постичь премудрости альпинизма. При этом как бы ещё больше отда-

лился от отца. Со сверстниками ему, конечно, интересней. Он с ними ходил раз в неделю в ближайший городок, где можно было найти развлечения, не связанные с альпинистской тематикой.

Неожиданно (кто ж такое мог ожидать?) произошло нечто, что взбудоражило в альплагере всех без исключения. Среди бела дня пропала Оха. Тимофей, по уши погружённый в организационные дела, как-то не сразу обнаружил пропажу. Он привык, что она всегда рядом, но присутствие её не было назойливым. Её деликатность восхищала окружающих.

— Ишь какая воспитанная, — говорил кто-нибудь, — под ногами не крутится.

Однако, находясь в стороне, она не спускала глаз с Тимофея. Стоило только кому-нибудь повысить голос в разговоре с ним, как она вскакивала с места и начинала рычать и лаять. Иногда она бегала к ручью, стекавшему с ледника и монотонно шумевшему метрах в двадцати от лагеря. Она спускалась к самой воде на плоский камень и, напившись, возвращалась к Тимофею.

Оху искали повсюду. Но её не было нигде. Тимофей, прихрамывая, метался по лагерю, заглядывал во все палатки и постройки, несколько раз подбегал к ручью и всё звал, звал и звал. К поискам присоединились все, кто был на этот момент в лагере, больше сотни человек. Все знали, что значит этот беспородный пёсик для начспаса. Всё напрасно. Оха не отзывалась.

В суматохе не сразу обратили внимание, что ручей уже не тот, каким был несколько часов назад. Вода в нём заметно поднялась и теперь уже не шумела, а ревели, бешено крутясь под берегом и переливаясь через валуны, которые прежде вежливо огибала. Она скрыла и тот плоский камень, стоя на котором, Оха утоляла жажду.

Горные реки и даже мелкие ручьи имеют коварную особенность. Вода в них из-за быстрого и обильного таяния снега выше по течению, как при открытии шлюза на плотине, огромной массой устремляется вниз, сметая всё на своём пути. Водяной вал вырастает мгновенно. Только опытный человек может по слуху уловить приближение беды. И даже тогда у него на спасение остаются считанные секунды.

Суматошные движения в лагере и многоголосый зов «Оха! Оха!» прекратились, когда люди поняли, что произошло. Они столпились на

берегу ревущего ручья. Все взоры были направлены в створ ниже по течению, словно там можно было разглядеть барахтающийся маленький белый комочек. Хотя все сознавали, что всё кончено.

До вечера было ещё далеко. Тимофей, нико-го не замечая, прихватив кое-что из снаряжения, никому не сказав ни слова, бросился вниз по ручью. Человек пять самых крепких парней последовали за ним.

Они вернулись под вечер, шатаясь от усталости. На Тимофее не было рубахи, в ней он нёс свою Оху. Он положил свёрток на камень недалеко от своего домика. Весь лагерь собрался вокруг. Начальник спасательной службы дрожал от усталости. Он привалился спиной к шершавому камню и уронил голову на грудь.

Кто-то тихо сказал:

— Её прибило к берегу на окраине городка...

После похорон Охи Тимофей три дня не заходил в свой домик, не ел. Он сидел на берегу ручья, с лёгкостью закоренелого убийцы сделавшего подлое дело и теперь как ни в чём не бывало снова шумящего монотонно и спокойно. Все, кто был в лагере, старались не обращаться к начспасу с вопросами, а тем более с просьбами. И только Лукьянов как-то утром подошёл к нему и, молча постояв немного, сказал тихо:

— Тимофей, Юра с двумя парнями не ночевали в лагере. Они ушли в городок.

Макаров ответил не сразу. Не поднимая головы, он спокойно сказал:

— Придёт. Куда он денется.

Как-то утром начспас не вышел из своего домика. Его не беспокоили, решив, что наконец-то его свалил сон. Но, когда он не вышел и к обеду, кто-то заглянул в домик. Макарова там не было. Присмотревшись, заметили, что он не просто ушёл, но прихватил всё снаряжение, необходимое для восхождения. Прикинули, как далеко он мог уйти. Срочно сколотили группу поиска. Её возглавил самый опытный, Дмитрий Лукьянов. Тимофей ушёл в направлении Коштантау. Его долго искали. Как оказалось, напрасно.

Прошло много лет. Некоторые восходители на горные вершины утверждают, что и по сей день на северных склонах Коштантау, там, откуда сползают мраморные ледники, иногда слышится человеческий голос: «Оха...а...а...!».

